

СПОСОБЫ ПРОИЗВОДСТВА ПИЩИ В АРКТИЧЕСКОЙ ЯКУТИИ (ПРИМЕР АЛЛАИХОВСКОГО УЛУСА)

Николай Гончаров

Николай Гончаров, отдел этнографии Сибири, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Адрес для переписки: Кунсткамера, Университетская набережная, 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия. nikola.gon4arov@yandex.ru.

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 19-78-1002 «Питание в Российской Арктике: ресурсы, технологии и инновации».

В статье на основе полевых материалов, собранных автором в Аллаиховском улусе Республики Саха (Якутия) в 2019 году, через призму теории ассамбляжей описывается, как деятельность местных жителей по производству питания меняется в зависимости от смены пространственных условий: в селе, на тундровой даче и рыболовецком участке. Исследуются специфические формы «соразмерных человеку ассамбляжей» (*dwelling perspective assemblages*), характерные для разных пространственных контекстов. Для решения поставленной задачи используется теоретический инструментарий Тима Ингольда и Мануэля Деланда. Питание рассмотрено не как изолированная практика, а как результат совокупности действий, материальных и социальных условий, в которых живет население Аллаиховского улуса. Производство пищи в Арктике задействует окружающее пространство в разных модальностях. Данные процессы включают множество компонентов: от дерева и металла до духов и ритуальных действий по кормлению огня. Значимым оказался вопрос о связи между разными ассамбляжами. Эмпирический материал показывает, что изоляция ассамбляжей возможна далеко не всегда: чем меньше ресурсов, людей, «делегатов», которым перепоручаются задачи, тем менее изолированными ассамбляжами заполняется пространство. В зависимости от смены пространственных условий были выделены такие характеристики, как «раздувание ассамбляжа», «смещение центра ассамбляжа» и «наложение ассамбляжей (интенсификация)», отражающие разные стратегии производства пищи. Соразмерный человеку ассамбляж в некоторой степени лишает его субъектности, однако действующее лицо не исчезает, но расширяется и переопределяется. Из внимания выпадает человек как отделенная от протекающих вокруг процессов фигура; субъектность выходит за границы биологического тела и фиксированных объектов. Она наполняет и структурирует пространство отношений, возникающих в процессе деятельности. Питание не является лишь актом потребления, но представляет собой комплекс связей в окружающей среде; это метаобъект, в рамках которого субъектность/объектность находятся в ускользающем единстве переплетенных процессов.

Ключевые слова: Якутия; Аллаиховский улус; поселок; тундра; пищевые ресурсы; ассамбляжи; соразмерный человеку ассамбляж

В данной статье речь пойдет о питании в условиях Арктики – региона, не лишённого внимания ученых. Так, специфика питания в Российской Арктике рассматривалась в работах Владимира Иохельсона ([1926] 2005), Владимира Богораза-Тана (1991), Ильи Гурвича (1977), Владилена Туголукова (1979), Галины Афанасьевой и Юрия Симченко (1993), Виржини Ватэ и Елены Давыдовой (2018), Ёсида Ацуси (1997), Светы Ямин-Пастернак, Петера Швайтцера, Игоря Пастернака, Эндрю Клиски и Лилиан Алесса (Yamin-Pasternak et al. 2017), Владимира Давыдова (2020a), Екатерины Капустиной (2017) и ряда других исследователей. Фокус их внимания был направлен на реконструкцию социальных и культурных связей населения Севера через изучение алиментарных практик; освещались особенности поддержания пищевой безопасности в условиях труднодоступности и дефицита пищевых ресурсов, способы их добычи, хранения и приготовления; исследовались связь еды и эмоций, а также роль региональных инфраструктур в производстве продовольственной картины региона и иные сферы.

В предлагаемой работе внимание будет сосредоточено на Аллаиховском районе (улусе) Якутии, где я проводил полевое исследование в 2019 году. Исследовательская цель статьи состоит в поиске ответа на вопрос, как в зависимости от смены пространственных условий – в селе, на тундровой даче и рыболовецком участке – меняется деятельность местных жителей по производству пищи. Отправной точкой исследования выступает перспектива жителей района – то, какие практики они осуществляют, как взаимодействуют с ландшафтом, «большой землей» и между собой, а также какие навыки проявляют, пытаясь обеспечить пищей себя и своих близких.

Для того чтобы дать ответ на поставленный вопрос, следует уточнить некоторые детали. Изменение деятельности – это одновременно изменение и свойств окружающих объектов, и их способности образовывать связи друг с другом, приводить к необходимому синергетическому эффекту (Yates-Doerr 2015). В таком случае для достижения нужного эффекта (под которым в статье подразумевается получение пищи) жителям рассматриваемого района каждый раз требуется устанавливать связи по-новому, в соответствии с меняющимися условиями. Если поставить перед собой задачу исследовать производство пищи не как изолированную операцию по приобретению и потреблению продукта, а как процесс организации пространства (что я и хочу предпринять), для ее решения потребуются найти подходящий язык.

Исследователи пищевой проблематики в Европе с целью анализа существующих кризисных явлений и выработки устойчивых стратегий развития фудскейпа¹ используют концепт «ассамбляжа» (франц. *assemblage*; от *assembler* – собирать). По их мнению, последний позволяет более детально и комплексно изучить множество факторов, влияющих на систему питания в европейских странах. Кроме того, данная теоретическая конструкция, выходя за рамки понимания продовольствия как самостоятельного изолированного объекта, дает возможность уделить

¹ Под термином «фудскейп» (англ. *foodscape*) понимается совокупность факторов, формирующих практики питания в конкретной локальности (MacKendrick 2014).

больше внимания материальным акторам – инфраструктуре, транспорту и пр. (Marsden, Hebinck, and Mathijs 2018).

Рассмотрение пищи через такие теоретические линзы предпринималось современным американским философом Джейн Беннет ([2010] 2018), однако в качестве ассамбляжа она обозначала объединения человека и еды, а основной задачей ее работы было выявление агентности пищи как материальной субстанции. Меня же интересует, как ассамбляжи, связанные с производством питания, формируются в труднодоступных районах, где отсутствует стабильное снабжение ресурсами и большое значение приобретает фактор непосредственного вовлечения людей в разнонаправленные процессы жизнеобеспечения.

Изучением способов объединения/разделения элементов в сложных антропоприродных сборках и переосмыслением материальности сельскохозяйственных объектов занимается Кристина Лайонс. Она исследует способы и эффекты «декомпозиции» людей и природной среды политическими мотивами, влияющими на онтологический статус формируемых ассамбляжей (Lyons 2016). Центральное место в ее монографии (Lyons 2020) занимает отношение разных акторов к локальным почвам, которое может принимать диаметрально противоположные выражения: от их вдумчивого и терпеливого возделывания местными жителями до уничтожения гербицидами, сбрасываемыми авиацией США, в рамках борьбы с производством наркотиков. Сложившуюся дихотомию «земельного вопроса» в Колумбии Лайонс описывает следующим образом: либо территория встраивается в капиталистический проект, ведущий к истощению почв и забвению индигенного знания, либо регион признается криминогенным, опасным, неплодородным – и к нему применяются санкции. Антрополог критикует столь грубое деление и раскрывает сельскохозяйственные практики коренного населения, не связанные ни с производством наркотиков, ни с рыночными темпами развития (Lyons 2020).

Для Лайонс характерно политическое понимание материальности, когда онтологический статус объекта формируется в результате борьбы разных точек зрения за самоутверждение. Важным для нее является пересмотр положения материки в социальной иерархии, ориентированный на решение продиктованных гражданской позицией вопросов и поиск устойчивых способов сосуществования людей и не-людей. Мне же более близок феноменологический подход Кристофера Тилли (Tilley 1994) и Тима Ингольда (Ingold 2007), подразумевающий поиск ответа на вопрос о том, как люди ориентируются в сложно структурированном ассамбляже, где политика – лишь одна из составляющих. В поле моего исследования находится общая конфигурация объектов, задаваемая столкновением человека с окружающим многообразием. В отличие от Кристины Лайонс, я не оспариваю дихотомии, однако пытаюсь проследить, какие сборки формируются в результате повседневных действий жителей арктических сел Якутии.

Анна Левенхаупт Цзин, исследовавшая сложные пути гриба мацутаке в глобализованном мире, пишет про «зыбкие ассамбляжи людей и вещей» ([2015] 2017:35). Обсуждаемый концепт позволяет ей исследовать «окраину капитализма»: если для капиталистического «центра» характерно стройное движение вперед, задающее уверенную направленность прогресса, то по мере удаления от цен-

тров обнаруживаются иные логики существования. Капитализм унифицирует пространство и время, скрывает множественности отношений. Однако к неявным многообразиям необходимо обращаться, если мы хотим понять, какую роль играет усиливающаяся в мире нестабильность. Цзин понимает ассамбляж крайне широко – как «бессрочные собрания» (*open-ended gatherings*) (39). Она пишет: «Ассамбляжи, в моем представлении, – то, что собирается вместе где бы то ни было, в каком угодно масштабе» (41). Их эвристический потенциал состоит в способности описывать то, что не обладает устоявшейся структурой и объединяется спонтанно. Характерно, что для исследовательницы важны не организмы как целостности, состоящие из элементов, а «соединение способов жизни» человеческих и нечеловеческих акторов, что, с одной стороны, сближает ее теоретическую установку с концептом линий Ингольда, о котором будет сказано ниже. С другой стороны, подход Цзин близок латурианским «сетям» (Латур [2005] 2020) и, в целом, плоским онтологиям (DeLanda 2013).

Цзин пишет, что «для живых существ видовая принадлежность – лишь начало разговора, но этого мало: способ жизни – постоянно возникающие новые результаты соприкосновений с другими видами» (Цзин [2015] 2017:40). Определением видовой принадлежности объектов, а также деконструкцией понятия «вид» и категориального мышления занимается Эмили Йейтс-Дорр. На основе анализа практик питания (в ходе которых выяснилось, что жители горной Гватемалы по-разному воспринимают мясо и, соответственно, по-разному к нему относятся) она приходит к пересмотру «конвенциональных таксономических формулировок». Так, вид объекта является не зафиксированной раз и навсегда категорией, а представляет собой ситуативный результат сложившейся конфигурации отношений (Yates-Doerr 2015:310). На примере мяса Йейтс-Дорр разрабатывает проблематику локальных и спонтанных классификаций и категорий. Категория – это ассамбляж, и конкретное определение мяса – тоже ассамбляж, вбирающий в себя множество свойств. Исходя из последних, гастрономический объект занимает свое нестабильное место в социальной структуре. Среди этих свойств – происхождение (мясо какого животного фигурирует), статус блюда, перечень питательных и полезных веществ и многое другое. Однако для формирования категории мяса не всегда важна его «субстанциональность» (характеристики продукта как физического объекта); более значимыми порой оказываются способ приготовления и цель употребления.

Наиболее разработанный вид теория ассамбляжей обретает в работах Мануэля Деланды. Для него данный концепт представляет целостность, образованную отношениями экстериторных свойств объектов (*relations of exteriority*), единство которых в рамках того или иного контекста является не логически необходимым, но условно обязательным (DeLanda 2006). Деланда делает акцент на гетерогенности входящих в ассамбляж свойств. Именно разнородный состав таких объединений производит новый результат, несводимый к свойствам отдельных элементов. Будучи сформированной, конфигурация интегрирована в состав ассамбляжей иных масштабов, представляющих организацию более сложных феноменов. Согласно Деланды, ключевые параметры ассамбляжа предполагают два основных

измерения: 1) форму проявления составных единиц ассамбляжа – от чистой материальности до полной экспрессивности (образности, знаковости) и 2) процессы стабилизации, гомогенизации (территориализации) и дестабилизации (детерриториализации) ассамбляжа. Кроме того, ДеЛанда добавляет третье измерение, связанное с тем, какую роль выполняют «экспрессивные» компоненты – кодирование (стабилизирующее, формализующее действие) и декодирование (дестабилизирующее) (DeLanda 2006:18–19).

Рассмотрение производства пищи как экологического явления в качестве особой модальности существования объектов в окружающей среде представляется вписанным в логику рассуждений Ингольда, который, однако, скептически относится к идее ассамбляжа из-за его излишней механистичности, статичности и оторванности от реальных способов существования явлений (Ingold 2015). Он предлагает использовать набор метафор, состоящий из «линий», «узлов» и «переплетений» (Ingold 2016:2). «Живые существа» представляют собой «пучки» линий разных конфигураций, а их взаимодействия проявляются через «узлы». Производство последних – фундаментальный принцип связности элементов; это способ, которым противоположные силы «напряжения» и «трения» порождают новые формы. Из данного тезиса вытекает вопрос, который лежит в «самом сердце нашего понимания социальности»: каким образом эти формы удерживаются вместе (2–3)? По мнению Ингольда, существует два ключевых способа описания связностей. Один характерен для механистичных подходов типа теории ассамбляжа и определяется через конъюнктивное присоединение *joined up*, обладающее коннотациями завершенности и окончательности. Другой подход основан на симпатической связи, при которой «материалы внутренне предлагают друг другу себя, не теряя собственной идентичности в целом». Эта связь выражается через предлог *with*, указывающий на промежуточное пересечение, а не финальный результат (Ingold 2015:23).

Ингольд и ДеЛанда описывают схожие теоретические конструкции. Несмотря на то, что первый критикует второго за статичность, в концепции ДеЛанда предполагается подвижность, определяемая постоянным изменением свойств взаимодействующих компонентов ассамбляжа (Красавин 2019). Вполне обоснованной видится критика Ингольдом ассамбляж-ориентированного мышления, поскольку последнее концентрирует внимание на дискретных сборках (Ingold 2015). Такой подход ограничивает способность видеть трансграничную сложность описываемых феноменов и скрывает то, что находится между ассамбляжами. Действительно, используя теорию сборки, трудно решить вопрос о пространстве между питанием, рыболовством, охотой, работой на дизельной электростанции или в администрации северного поселка в Якутии. На мой взгляд, это связано с тем, что способ взаимодействия между ассамбляжами также имеет ассамбляжеобразную конфигурацию, которая весьма затрудняет и утяжеляет исследовательский путь. «Линии» и «узлы» Ингольда в этом отношении «удобнее», поскольку подразумевают включение изменений-в-движении и режимов уплотнений линий в узлах, не ограничивающих процесс, но маркирующих взаимодействия (Ingold 2016). Общим в подходах исследователей выступает отказ от тотальности, от признания

единственно возможной точки зрения на происходящие в окружающей среде и теоретических абстракциях процессы. Для концептуального примирения исследователей я предлагаю ввести понятие «соразмерных человеку ассамбляжей» (*dwelling perspective assemblages*), объединяющее исследуемые процессы через рассмотрение ассамбляжей, соразмерных человеку и его повседневному опыту существования в окружающей среде (Давыдов 2020б:269; Ingold 1993).

В таком случае следует детализировать и цель статьи, которая мне видится в анализе производства пищи в меняющемся пространственном контексте через концепт ассамбляжа, соразмерного человеку, то есть местным жителям. Такое концептуальное решение во многом обусловлено контрастной спецификой региона: в условиях сочетания избытка и недостатка, статичности и мобильности, современности и традиции для анализа контрастов социальной жизни и их обобщения требуется соответствующий инструментарий. С одной стороны, последний должен учитывать комплексную структуру деятельности людей, а с другой – удерживать и обобщать контрасты на теоретическом уровне, объясняя их место в структуре жизнедеятельности населения.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕГИОНА

Вернемся к региону, о котором идет речь и где проходили полевые исследования. С севера Аллаиховский улус ограничен Восточно-Сибирским морем, на западе граничит с Усть-Янским районом Якутии, а на востоке и юге – со Среднеколымским, Нижнеколымским и Абыйским районами соответственно. Физико-географически улус представляет собой тундровую зону с вкраплениями лиственниц, ив и кедрового стланика. Огромное значение для локальных промыслов имеют многочисленные реки и озера². Основной транспортной и хозяйственной артерией района является река Индигирка, на левом берегу которой расположен районный центр – поселок Чокурдах. Его население составляет 2111 человек, всего же в районе проживает 2726 человек (*Численность населения 2020*). В Русском Устье, расположенном в 110 километрах ниже по течению, числится около 128 человек (*Численность населения 2018*), однако следует отметить, что точное число проживающих не могут назвать даже в местной администрации, поскольку кто-то из местных жителей находится в отпуске, кто-то переехал, не изменив место прописки, а другие значительную часть времени проводят вне стационарного населенного пункта – на рыболовецких участках. Такая особенность муниципальной статистики характерна для всего региона.

Этнический состав территории мозаичен и неоднороден. Основное население составляют представители якутского, русского и эвенского народов, но кроме них в районе также проживают юкагиры, эвенки, украинцы, буряты, чукчи и др. (Полевые материалы автора, август–сентябрь 2019 года; далее ПМА). Чокурдах – относительно молодой поселок, возникший в 1936 году, когда в него было переселено коренное население региона, занимавшееся оленеводством, рыболовством,

² «Аллаиховский улус (район)», Республика Саха (Якутия), 17 августа 2016 г., <https://xn---6kcbac1azfofe4cmqhvgl0bzre.xn--p1ai/stati/jakutija/allaihovskii-ulus-raion.html>.

охотой. Помимо этого, он активно заселялся приезжими людьми из других населенных пунктов Сибири и европейской части России. В настоящее время население Чокурдаха занято по большей части не в производственной отрасли, а в ЖКХ, частной торговле, административной и социальной сферах. Стоит также заметить, что практически все мужское население (и часть женского) занимается рыболовством и охотой, однако эти отрасли зачастую не рассматриваются в качестве профессии. На территории поселка находится порядка 15 магазинов, функционируют средняя общеобразовательная школа, интернат, детские сады, аэропорт, дом культуры, библиотека, музей, дизельная электростанция, котельные, районная больница и иные объекты инфраструктуры.

Село Русское Устье представляет собой место компактного проживания русского населения, возникшее в XVII веке в период колонизации северо-востока Сибири (Азбелев и Мещерский 1986). В настоящее время основной сферой занятости местных жителей выступает рыболовство, организованное в рамках производственного кооператива. Деятельность последнего в 1990-е годы сыграла большую роль в адаптации населения к новым социально-экономическим условиям после распада совхоза «Аллаиховский». Руководству кооператива удалось наладить каналы поставки ценных сортов выловленной рыбы в Якутск, откуда местные жители получали лодки, моторы, неводы и прочий рыболовецкий инвентарь. Кроме того, данная экономическая модель оказалась главным источником заработка для населения Русского Устья. В настоящее время практически все мужское население, не занятое в сфере ЖКХ и на дизельной электростанции, летом и зимой вовлечено в рыболовство. Женщины же работают преимущественно в школе, детском саду, конторе производственного кооператива, доме культуры, фельдшерско-акушерском пункте, на почте.

Можно выделить две основные сферы мобильности населения Аллаиховского района – внутри- и межрайонную. Первая включает промысловую деятельность, связи между административным центром и остальными селами, перемещения между основным местом жительства и промысловым участком / дачей, рутинные перемещения внутри поселков. Если же говорить о межрайонной мобильности, то здесь наиболее важным направлением выступает Якутск. В летнее время расстояние до республиканской столицы в 1243 км можно преодолеть лишь на самолете, вылетающем из Чокурдаха. Как правило, рейсы выполняются на Ан-24 два раза в неделю. Наряду с географической удаленностью и отсутствием постоянных дорог, параметр изолированности усиливается дороговизной билетов (рейс в одну сторону стоит порядка 25 тыс. рублей), а до его отмены в 2021 году значение также имел пограничный режим (0 пределах пограничной зоны на территории Республики Саха (Якутия)). Ежегодно с февраля начинает функционировать автозимник – проходящая по снегу и льду сезонная автомобильная дорога, которая в большей степени используется для завоза товаров и вывоза выловленной рыбы с целью ее сбыта. Навигация осуществляется двумя-тремя рейсами в год: из Якутска в Чокурдах в конце августа – сентябре приходят крупные рефрижераторные суда. Идут они вниз по реке Лене, далее по морю Лаптевых и Восточно-Сибирскому морю в устье реки Индигирки, что из-за обмеления последней не всегда удается сделать

(информанты рассказывали, как однажды пришлось вызывать вертолеты МЧС, чтобы разгрузить застрявшее в устье Индигирки судно). Таким образом, путешествие в Якутск (или за его пределы) становится весьма дорогостоящим предприятием, требующим длительной подготовки – планирования и согласования множества нюансов, что, очевидно, ограничивает мобильность населения и влияет на локальные практики.

Этнографический материал собирался в поселке Чокурдах и в селе Русское Устье, однако неотъемлемой частью полевой работы было посещение многочисленных рыболовецких и дачных участков³, расположенных вне населенных пунктов. Экспедиция в августе и сентябре 2019 года позволила провести полуструктурированные и глубинные интервью с 77 информантами. Собеседниками выступили местные жители Аллаиховского района, в подавляющем большинстве взрослое население старше 35 лет⁴. Среди опрошенных было 35 женщин и 42 мужчины, являющихся рыбаками, охотниками, работниками администрации, дизельной электростанции, сфер ЖКХ, здравоохранения, образования и культуры. В этническом отношении среди информантов присутствовали в основном представители эвенского, русского и якутского населения (хотя зачастую местные жители не могут однозначно назвать свою этническую принадлежность). Полевая работа не ограничивалась лишь интервьюированием. Большое значение имел метод непосредственного наблюдения, позволивший видеть и переживать вместе с информантами широкий спектр процессов жизнеобеспечения и фиксировать место практик питания в них: я отправлялся на рыболовецкие участки и тундровые дачи, участвовал в алиментарных практиках на уровне отдельных семей, гостем которых мне посчастливилось оказаться.

УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАКТИК ПИТАНИЯ В НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТАХ ЧОКУРДАХ И РУССКОЕ УСТЬЕ

Рассматривая конфигурацию питания через призму соразмерного человеку ассамбляжа, нужно указать на то, что в населенных пунктах его структура в значительной степени поддерживается извне, то есть сторонними для местного жителя силами: административными, транспортными, инфраструктурными, торговыми и иными. Они задают определенные оси координат, вокруг которых разворачивается деятельность человека в поселке. Далее я опишу эти «оси» и то, каким образом они формируют практики производства еды.

Несмотря на большое число продуктовых магазинов в Чокурдахе, ассортимент предлагаемой продукции в них гораздо скромнее городского. Население не

³ Между этими двумя разновидностями участков нет четкой границы: рыболовецкие участки в большей степени используются для рыболовства в рамках производственных кооперативов, в то время как «дачи» предполагают комплексную деятельность, в меньшей степени связанную (или вовсе не связанную) с кооперативами: сбор дикоросов, сетный лов рыбы, охота, отдых и пр.

⁴ Такой возраст информантов обусловлен наличием у них достаточно большого опыта практической деятельности в местных условиях.

только районного центра, но и всего улуса сильно зависит от ритмов завоза продуктов из центральной Якутии (этими ритмами определяется наличие продуктов и колебание их стоимости). В более крупных масштабах доставка производится два раза в год – в конце августа и сентябре. В это время рефрижераторные суда из Якутска направляются в Чокурдах для погрузки рыбы, выловленной местными рыбаками за период летней путины; одновременно они везут пищевые продукты, строительные материалы, технику, мебель и другие необходимые предметы. К услугам данного типа грузоперевозок прибегают индивидуальные предприниматели и частные лица, имеющие возможность сделать заказ через родственников в Якутске или обратившись к помощи сторонних лиц, предоставляющих свои услуги по приобретению в городе необходимых товаров и передаче их в транспортную компанию. Кроме того, судно нагружают главы рыболовческих общин, выполняющие заявки своих рыбаков по приобретению техники и продуктов, а также районная и поселковая администрация (ПМА).

Поскольку доставка товаров рефрижераторными судами производится всего дважды в год, есть и другие возможности снабжения из центра. Во-первых, это авиарейсы, которыми по причине высокой стоимости чаще пользуются индивидуальные предприниматели для пополнения прилавков магазинов, но даже они не могут позволить себе прибегать к авиатранспорту систематически. Наряду с этим действуют «зеленые рейсы», выполняемые вертолетами с целью доставки пищевых продуктов в отдаленные населенные пункты Якутии⁵. Во-вторых, с установлением прочного ледяного покрова (как правило, в феврале) начинает функционировать автозимник, по которому в город отправляют выловленную в зимний сезон рыбу, а обратно привозят заказанные товары. Местные жители, возвращающиеся домой из Якутска, имеют возможность привезти запасы продуктов, ограниченные установленными конкретной авиакомпанией нормами провоза багажа. Вместе с тем высока вероятность того, что в нужный момент в Якутске окажется знакомый человек, которого можно попросить привезти необходимые продукты, лекарства, детали для снегоходов и т. д. Последняя стратегия действует и внутри улуса при дефиците определенных пищевых продуктов в одном населенном пункте и наличии их в другом (ПМА). Распространен и обратный процесс, когда пищевые ресурсы автозимником или самолетом вывозятся из района в центр лично, через родственников или знакомых. Главным предметом такого экспорта выступает «продукт» основного вида хозяйственной деятельности региона – рыба.

Аллаиховский район неоднороден – его населенные пункты в зависимости от административного статуса, расположения и наличия ресурсов обладают разной спецификой. Как указывалось выше, Чокурдах – это районный центр, где проживает основная часть населения улуса. Именно сюда доставляются товары из Якутска, а затем распределяются по поселкам. Административный центр характеризуется обилием магазинов и относительным разнообразием продуктов, которые

⁵ «Зеленый рейс» – это доставка продуктов первой необходимости по сниженным ценам. Такие рейсы выполняются, например, в села Быягныр, Берелях и Оленегорск Аллаиховского улуса. «В Аллаиховский улус прибыл “Зелёный рейс”», *Якутия-Daily*, 25 декабря 2020 г., <https://yakutia-daily.ru/v-allaihovskij-ulus-pribyl-zelenyj-rejs/?ysclid=laxvdbryjf134367431>.

невозможно приобрести в других населенных пунктах района. Например, здесь не составляет труда купить молоко, фрукты или овощи, в то время как в русско-устыинском магазине в ходе полевого исследования я обнаружил лишь заменители перечисленных товаров в виде сухого молока и дегидрированного картофеля. При населении в 128 человек в Русском Устье имеются два магазина, один из которых частный, а второй – с более низкими ценами и узким ассортиментом – содержится местной рыболовецкой общиной. Разница между поселками обнаруживается также в ценах на продукты (в районном центре они ниже) и технических деталях (в чокурдахских магазинах можно расплачиваться банковской картой через терминал, в то время как в Русском Устье оплата возможна либо наличными, либо переводом на банковскую карту) (ПМА).

Как отмечали многие информанты из Русского Устья, положительным фактором для местных жителей является помощь главы местного производственного кооператива, который, минуя индивидуальных предпринимателей, снабжает население села – и в особенности рыбаков производственного кооператива – товарами, в которых те нуждаются. Информанты сообщали, что благодаря его деятельности ко Дню рыбака, Новому году и другим крупным праздникам на столах местных жителей всегда появляются фрукты, овощи и иные редкие для арктического края продукты. В этом примере обнаруживается совмещение разных ассамбляжей, что дает синергетический эффект: ассамбляж питания интенсифицируется наличием производственного кооператива. Следствия такого сочетания я рассмотрю в параграфе, посвященном питанию на рыболовецких участках.

Поселок притягивает к себе идущие из центральных регионов каналы ресурсов, снабжается и формируется ими, а поселковая структура жизнеобеспечения обусловлена инфраструктурой большего масштаба, воспроизводимой на республиканском и общероссийском уровнях. Чокурдах и Русское Устье – это «пункты аттракции» (Урри [2007] 2012:443), устойчиво стягивающие потоки ресурсов. Населенные пункты в то же время «не столько неподвижны, сколько прикреплены к сложным сетям» и локальным практикам (127). «Прикрепление к сети» является способом формирования ассамбляжа (вернее, совокупности ассамбляжей, представляющих поселок (Antczak and Beaudry 2019)), его самовоспроизводства, структурирующего не только наличествующие объекты, но и создающего новые элементы в пространстве. ДеЛанда в теоретическом каркасе разрабатываемого им концепта не акцентировал внимание на вхождении в ассамбляж новых объектов «со стороны», отличных от формирующихся в результате трансформаций внутри существующей сборки. Для Северной Якутии данная деталь крайне актуальна, обозначить ее можно как «темпоральность ассамбляжа». Возможно, это та черта, которую не обнаружил в теории ассамбляжей Ингольд, – процесс «рождения» самого ассамбляжа, а не то, что происходит в нем, уже сформированном (Ingold 2015).

Хотя снабжение продуктами питания из Якутска имеет принципиальное значение, местные жители во многом обеспечивают продовольственную безопасность самостоятельно. Занимаясь рыболовством, они одновременно с зарабатыванием денег запасают рыбу, из которой готовят многочисленные блюда: уху,

рыбный пирог, юколу, строганину и пр. (Чикачев 1990). Помимо вышеупомянутого промысла, важным видом деятельности остается охота на дикого северного оленя и птицу, мясо которых заготавливается впрок и хранится, как и рыба, в ледниках (погребах в вечной мерзлоте) и морозильных камерах. Меньшее значение имеет собирательство морошки, голубики, грибов. Среди населения распространены традиции дележа продуктов, напоминающие практику «нимата» (Сирина 2012:317): охотники и рыбаки делятся добычей не только с родственниками (которые, например, заняты в сфере, не позволяющей им полноценно охотиться или рыбачить), но и с приезжими людьми, новоселами или гостями. Информантка В. В.⁶, приехавшая работать в русскоустыинскую школу из Центральной Якутии, рассказывала, что в первый год ее проживания в селе она часто с удивлением обнаруживала в снях своего дома оставленные кем-то мясо, рыбу и другие продукты (ПМА).

Таким образом, наличие пищевых ресурсов в Аллаиховском районе определяется не только завозом из Якутска, но и длительно существующими формами хозяйственной активности и социальными взаимоотношениями. Информанты старшего поколения (от 45 лет) отмечали, что основу питания местного населения составляют продукты локального производства – добываемые внутри района рыба и мясо. Этнографическая и краеведческая литература указывает на еще большее доминирование пищевых продуктов местного происхождения в прошлом (Зензинов 1914; Биркенгоф 1972; Чикачев 1990). У молодежи наблюдаются более эклектичные вкусовые предпочтения, не в такой мере привязанные к локальным продуктам. Однако даже те, кто уезжает в город учиться или работать, не теряют связи с аллаиховской пищей, которую они получают в посылках от родственников или привозят самостоятельно.

Для компенсации дефицитных продуктов в районе выращиваются нетипичные для арктических природных условий овощи, такие как картофель, помидоры, перец, укроп, лук, петрушка, салат, огурцы. В редких случаях местные жители также разводят кроликов, кур, свиней. Любопытно, что вполне успешный опыт земледелия был связан с условиями, существующими именно в контексте поселка, поскольку последний обладает инфраструктурой, которую можно адаптировать для дополнительных целей, первоначально не принимаемых в расчет⁷. Наиболее яркий пример – деятельность Чокурдахской дизельной электростанции, при которой с 1980-х и по 2005 год действовала теплица с выращиваемыми помидорами и огурцами; там же работал рыбокопильный цех. Менее масштабная теплица находилась и в Русском Устье. Кроме того, для получения урожая используются специфические формы ведения сельского хозяйства: например, информант П. К. из Русского Устья выращивал картофель на крыше своего балка⁸,

⁶ Для анонимизации информантов указываются измененные аббревиатуры имен.

⁷ О влиянии северных инфраструктур на повседневность локальных сообществ см. Gavrilova 2017; Vakhtin 2017; Давыдова и Давыдов 2020.

⁸ В местном контексте балок – это небольшая хозяйственная постройка, иногда передвижная, похожая на гараж.

а огурцы, перец, лук, укроп часто растут у местных жителей на подоконниках. Опыты по внедрению новых типов хозяйственных практик в регионе имеют точечный и спорадический характер. На момент сентября 2019 года теплиц в Чокурдах и Русском Устье не было, а разведение животных или взращивание овощей являлись личной (и рискованной) инициативой лишь малой части жителей района. Тем не менее попытки в данном направлении существовали и продолжают предприниматься.

Макро- и микроинфраструктура региона допускает возможность привезти корм для животных или использовать тепло отапливаемого жилища, форму и расположение окон в нем для «квартирного огородничества». Географически нетипичные сельскохозяйственные занятия могут существовать в гибридизированной форме (Stépanoff and Vigne 2018), например, когда для выращивания помидоров и огурцов используется навоз с территории существовавшей ранее свинофермы. Так происходит сращивание, взаимопроникновение ассамбляжей разного происхождения, уплотнение их связей. Однако в селах, в отличие от тундровой местности, есть что сращивать: такие процессы, как гибридизация реализуются здесь в рамках уже существующей инфраструктуры. Кроме того, следует подчеркнуть разновекторность связей (Цзин [2015] 2017) в формировании ассамбляжа питания: он соединяет процессы, идущие извне (условно, из Якутска) в район, и наоборот, а также задействует внутрирайонную двунаправленную мобильность.

Теперь уделим внимание материальным компонентам, обозначающим контуры ассамбляжей питания в населенных пунктах Аллаиховского района. В Чокурдах и Русском Устье люди проживают в многоквартирных домах (в Русском Устье также имеются индивидуальные летние жилища). На кухнях в этих квартирах пищевые продукты аккумулируются, обрабатываются и готовятся, здесь же проходят трапезы. Для хранения пищевых ресурсов жители района активно используют ледники, кладовки, морозильные камеры («лари») и холодильники. Перечисленные способы хранения фиксированы и связаны с оседлым образом жизни. «Передвижные холодильники» (рефрижераторные суда) создают иную мобильность и временную протяженность пищевых ресурсов, встраивая их в логику не самообеспечения населения, а коммерческих перевозок, и привнося в повседневность поселков дополнительные акторы влияния. Помимо этого, изменение темпоральности пищи достигается консервацией ингредиентов методами вяления и копчения (Давыдова 2019). Следовательно, ассамбляж создается и поддерживается благодаря трансформации свойств материальных объектов, совмещению водных, воздушных и наземных путей, а также в буквальном смысле «заземлению» – использованию «ресурсов холода» вечной мерзлоты (Сулейманов 2018). Границы этого ассамбляжа трудно определимы, пространство его функционирования постоянно меняется (расширяется, сужается, углубляется, становится прерывистым или сплошным).

Рис. 1. Кухня в Чокурдахе. Фото автора

Кухня – это центр гастрономической материальности. Важными здесь оказываются не только ножи или плита, но и магазин, где нож можно приобрести; дизельная электростанция, чья работа позволяет функционировать печи; статичность материальной среды, в рамках которой организуется готовка. Таким образом, материальность выражается скорее не в отдельных предметах и элементах, а в целом феномене поселка, конфигурирующем материальное многообразие и предполагающем определенные режимы потоков и статичности⁹. Такая ситуация общей связности является отражением процесса территориализации (DeLanda 2006), который позволяет местным жителям концентрироваться больше на процессах внутри «территориализованного» пространства, нежели на его формировании.

Контраст арктического улуса с городской средой Якутска заключается в том, что кратковременного, «туристического» (Урри [1990] 2005), пребывания человека в этом пространстве недостаточно для получения качественной пищи или ее самостоятельного приготовления. Вышесказанное обусловлено отсутствием

⁹ Про системы или «будничные конструкции», организующие материальные потоки, см. Урри [2007] 2012.

в Аллаиховском районе условий, обеспечивающих пищевую безопасность¹⁰ и независимость временного гостя улуса (отсутствуют заведения общественного питания, непросто найти вариант проживания, который бы позволил гостю самостоятельно готовить еду из купленных в магазине продуктов), а также тем, что практики питания местных жителей находятся в иной «темпоральной плоскости». Поэтому необходимым условием удовлетворения первичных потребностей человека становятся кухня с плитой, холодильник и прочие атрибуты для приготовления пищи.

В начале экспедиции сложной задачей было приобрести местную рыбу или оленину, поскольку их не продают в магазинах – там реализуется лишь привозной товар. И хотя мне сообщали, что в поселке имеется магазин продуктов местного происхождения, последний постоянно оказывался закрыт. В итоге я обнаружил два основных источника локальных гастрономических ресурсов, не предполагающих непосредственного вовлечения человека в процесс их добычи: во-первых, это подарки и угощения знакомых людей; во-вторых – частная неформальная торговля (так, после личного знакомства с одной из местных жительниц на праздновании Международного дня коренных народов мира, где она установила временный прилавок и продавала юколу, мне удалось приобрести индигирскую рыбу). Частная торговля как источник пищи не лежит «на поверхности» в сфере общерегламентированного и обозначенного витринными вывесками, как это устроено в городе или стационарном торговом объекте (Нордфальт [2011] 2015). Те, кто приезжает в Чокурдах или Русское Устье из других мест (коих количественно немного, но поток приезжих постоянен – командировочные специалисты, туристы, исследователи и пр.), попадают в местную социальную среду, предоставляющую дополнительные возможности приобретения пищевых ресурсов, однако позиция гостя нестабильна и зависит от сети знакомств, имеющихся средств, целей приезда и ряда других факторов.

Приведенные примеры демонстрируют наличие сложившейся и воспроизводимой поселковой системы обеспечения гастрономическими ресурсами, которая оказывается рабочей изнутри и не предусматривает рассчитанных на внешнего субъекта условий, которые бы позволили ему сохранять свою независимость. Следовательно, для полноценного пребывания в Чокурдах или Русском Устье приезжему (и, разумеется, местному жителю) необходимо вступить в неформальные отношения с жителями этих населенных пунктов, преодолеть разделение на «внешнее/внутреннее», «свое/чужое», войти в поле взаимодействия. Корректнее будет сказать, что это не столько противопоставление «внешнее/внутреннее», сколько иная «компоновка условий»¹¹ (если в городской среде для того, чтобы приобрести пищевые продукты или найти заведение общественного питания, можно ориентироваться на вывески, витрины, рекламу и т. д. – в общем, опираться

¹⁰ Под «пищевой безопасностью» здесь я понимаю доступность для человека пищевых ресурсов удовлетворительного качества, а также условий, в которых возможны комфортные приготовление и потребление пищи.

¹¹ Терминология взята у Джеймса Гибсона (Gibson 1979).

ся на визуальные образы, то в Аллаиховском районе информация о пищевых ресурсах локализована иначе – не визуально, а социально: в разговорах, мессенджерах, знакомствах и т. д.), использование которых требует от входящего в это поле отношений человека демонстрации определенных свойств. Если он ими обладает (например, родственными или дружескими связями, полученной благодаря им информацией и пр.), то приобретает возможность взаимодействовать с этой компоновкой.

Социальные отношения выступают экспрессивно-кодирующими факторами (DeLanda 2006). Они стабилизируют первичную территориализацию, которая осуществляется благодаря отлаженным извне (по отношению к индивиду) процессам. Однако нельзя сказать, что это пространство является застывшим: в нем постоянно происходят процессы декодирования и детерриториализации, что иллюстрируется популярностью интернета, мессенджеров, внедрением новых технологий (Stammler 2013), используемых для оптимизации практик питания (с их помощью, например, договариваются о поставках продуктов). Обсуждаемые поселки изо дня в день в течение многих лет, с периодическими нерезкими отклонениями, воспроизводят свое содержание¹². Здесь создана устойчивая инфраструктура, дающая возможность подключить печь к электросети, купить и использовать холодильник для хранения магазинных и локальных продуктов. Местные жители платят деньги за такую отчужденность от необходимости полного контроля потоков ресурсов и их преобразования. Существуют отрегулированные каналы поставок, по которым в Арктику доставляются товары. Они связывают Аллаиховский район с Якутском, другими регионами и страной в целом. Не менее важным оказывается и направление в противоположную сторону, представленное движением ресурсов вовне, которое непосредственно влияет на жизнь людей в районе, создавая дополнительные экономические возможности. Иная форма перемещения ресурсов обусловлена внутрирайонными процессами, взаимодействием местного населения с окружающей средой в ходе хозяйственных практик, включающих охоту, рыболовство и огородничество, что согласуется с идеей многокомпонентной конструкции ассамбляжей ДеЛанда (DeLanda 2006). Ассамбляж питания в Чокурдахе и Русском Устье формируется в контексте взаимодействия с иными сборками. Поселок в таком случае является конфигурацией потоков ресурсов жизнеобеспечения и стратегий действий (Konstantinov and Vladimirova 2006).

Прислушиваясь к критике Тима Ингольда, следует внести уточнение: соразмерный человеку ассамбляж смещает фокус на соразмерные человеку сборки, обладающие важной характеристикой. Последняя заключается в том, что трансформированный ингольдианскими ремарками ассамбляж существует не как абстрактная категория, а вписан в жизнь и, значит, определяется не только тремя обозначенными ДеЛанда осями (DeLanda 2006), но и всем многообразием протекающих процессов. «Многообразия» в поселках организованы в различные ас-

¹² Это подтверждается сравнением литературы и материалов разных лет (см. Зензинов 1914; Биркенгоф 1972; Чикачев 2010) с ситуацией на 2019 год, которую я наблюдал в поле.

самбляжи, что позволяет местным жителям уделять внимание не только практикам, ассоциированным с производством питания, но и относительно независимым от этого процесса занятиям. Так, если в примерах с поселками ассамбляж питания структурируется через взаимодействие с автономными сборками, то на тундровой даче или рыболовецком участке организация питания происходит иначе. Другими словами, границы ассамбляжей и их морфология подвижны.

ПИТАНИЕ ВНЕ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

Примеры Чокурдаха и Русского Устья иллюстрируют, в каких условиях происходит производство пищи в поселках, обладающих инфраструктурой, продуктовыми магазинами, стабильными местами хранения пищевых ресурсов и приготовления пищи. Здесь выстроена система сравнительно независимых сборок, между которыми происходит взаимодействие. Однако, когда местные жители покидают населенные пункты, они оказываются в других условиях, где практики, связанные с питанием, конструируются иначе. Значительная часть жизни населения Аллаиховского района – преимущественно мужского – проходит за пределами поселков. Такое положение связано с хозяйственными занятиями и использованием тундровых участков в качестве дач¹³, с возможностью отдохнуть на их территории от поселковых дел, домашних забот и провести время наедине с природой.

Несмотря на то, что поселок Новый Ойотунг не зарегистрирован в качестве населенного пункта и формально в нем никто не живет, фактически он существует, выполняя для некоторых жителей Чокурдаха роль летней дачи на месте сбора дикоросов и рыболовства (в поселке построены частные двухэтажные дома, но нет никакой инфраструктуры). Мне удалось побывать там в компании четы В. Л. и А. С. – жителей Чокурдаха. Как правило, семья приезжает в поселок на 2–4 дня для того, чтобы собрать голубику и проверить сохранность бесхозно стоящих домов. В нашем случае целью приезда был сбор ягод.

Отсутствие делегатов (Латур [2005] 2020), которым можно было бы поручить задачи по подготовке условий производства питания, приводит к необходимости контролировать широкий спектр действий. Учитывая то, что подобные выезды в тундру обычно проходят в кругу семьи, ограничивающейся 2–4 лицами, вся нагрузка по обеспечению приемлемых условий проживания полностью ложится на них же самих. Концентрация обязанностей, действий и вещей приводит к специфическим «вязким» ассамбляжам, поскольку в таком контексте нет возможности создать независимые эффективные сборки: одни и те же люди должны обеспечивать ход всех процессов. Ограниченность ресурсов, людей и одновременно большая ответственность за производство и поддержание пространства жизнедеятельности в тундре порождают ясные, но строгие и взаимосвязанные действия, которые можно разбить на следующие акты: «упаковка/распаковка», «контроль потоков», «стягивание в точку», «конфигурирование и активация».

¹³ Про тундровые дачи на Ямале см. Яптик 2020.

УПАКОВКА/РАСПАКОВКА

Подготовка к поездке началась накануне днем после внезапно принятого решения о том, что завтра мы отправляемся в Новый Ойотунг. Оперативно были собраны необходимые вещи, а продукты питания куплены в магазине, получены от соседей, извлечены из морозильных камер и холодильников. Утром следующего дня я пришел в квартиру В. Л. и А. С., где мы позавтракали, взяли сумки и отправились на берег готовить лодку. Пакеты, мешки и сумки, содержащие преимущественно еду, В. Л. перевязал между собой, чтобы их было проще нести¹⁴. На берегу мы установили на лодку мотор, поместили в нее груз, дождалась А. С. и отправились в путь. Когда мы достигли точки назначения, наша группа стала разгружать лодку. Мешки и сумки сначала забросили на крутой берег, затем наполнили канистру речной водой и тоже подняли; далее весь груз доставили в дом, приступили к подготовке кухни и разбору принесенного; после – занялись пилением дров, стоящих во дворе, приготовлением ужина и т. д. В этом процессе разворачивалась последовательность преобразований, направленных на соединение множества элементов в единый объект и отделение частей от целостностей, с конечной целью активизации пространства дома, пригодного для проживания и, соответственно, приготовления пищи.

КОНТРОЛЬ ПОТОКОВ

Данный аспект весьма актуален при рассмотрении вопросов обеспечения населения ресурсами питания в местах, где поселковая инфраструктура и развитая система торговли отсутствуют. По сравнению с поселками, в тундровой местности не существует магазинов и мест, отчужденных от потребителя (то есть создаваемых в рамках инфраструктуры индустриальных центров). По этой причине необходимые пищевые продукты приобретаются в поселке и затем доставляются на тундровые участки. Здесь зачастую срабатывает именно «потокковая» механика взаимодействия с ресурсами (Ingold 2011:86–88), связанная в первую очередь с динамично существующими объектами окружающего мира: плавающей в реке рыбой, мигрирующими оленями, перелетными птицами. Относительно статичные ресурсы, такие как ягоды, грибы или травы, в тундре имеют гораздо меньшее значение. То же касается и особенностей добычи дров: Индигирка приносит обвалившиеся деревья из районов верхнего течения, пролегающих в лесной зоне (Павлов 2013), и во время половодья выбрасывает вдоль берегов оказавшийся в речном течении лес, называемый местными жителями «*плавник*». В. Л. собирает такие бревна в летне-осенний период, устанавливает их в форме конуса на берегу, а весной грузит на сани и отвозит снегоходом на участок (ПМА), где чаще всего использует в качестве дров¹⁵.

¹⁴ О вариантах перемещения грузов в контексте кочевого образа жизни см. Головнев, Гарин и Куканов 2016; Головнев, Куканов и Перевалова 2018.

¹⁵ Подробно про использование плавника в Арктике см. Арзютов 2020.

Рис. 2. Плавник в Новом Ойотунге. Фото автора

Тундровый образ жизни обеспечивается перманентными и визуально наблюдаемыми потоками: посуда, спички, бензин, электрогенераторы, одежда – все это должно регулярно пополняться и заменяться, что возможно только при наличии связи с поселком. Так, поселок выступает в качестве фундированной точки, связанной с колеблющимися тундровыми местами пребывания. В тундре житель Аллаиховского района не обладает возможностью подчинить себе потоки товаров и других ресурсов, сделать так, чтобы пищевые продукты шли независимо от него в Новый Ойотунг, где будет достаточно лишь прийти в магазин и сделать покупку. Для пребывания в удаленной местности нужно создать потоки продуктов и сопутствующего инвентаря, собственноручно проложив по воде или снегу пути от существующих центров ресурсов к избранным местам за пределами поселков. Примечательно, что имеющая место в устойчивых торговых локусах отчужденность между продуктами и потребителем в данном случае отсутствует: выступая в Чокурдах в качестве потребителя, в Новом Ойотунге человек оказывается производителем. Используемый инвентарь зачастую тоже не прикрепляется исключительно к одному месту и остается мобильным (Головнев, Куканов и Перевалова 2018): А. С. во время подготовки к возвращению в Чокурдах сказала, что привезенные чайники не стоит забирать с собой, поскольку вместе с В. Л. они в скором будущем собирались отправиться на рыболовецкий участок ниже по течению, и оставленную утварь им было бы проще захватить по пути из райцентра.

Помимо производства и поддержания потоков, находясь в тундре, человек соотносится с ритмами природной динамики (Головнев, Гарин и Куканов 2016): приходит в нужное место, когда река выбрасывает дерево; ставит сети и забрасывает невод там, где опытным путем была установлена наибольшая концентрация рыбы; набирает в канистры речную воду. Если обратиться к терминологии, пред-

лагаемой Ингольдом, такой режим взаимодействия с ресурсами может быть описан не как «существование на/в природе» с доминирующе-разделительным отношением к окружающей среде, но как «существование с окружающей средой» (Ingold [2000] 2011:87), с природными потоками, не зависящими от человека, а также выстраиванием условий-отношений и вхождением в них. Информанты неоднократно произносили такие слова: «река нас кормит», «рыба наш хлеб», «главное, чтобы рыба была» (ПМА; Р. Т.) и т. д. Однако для того, чтобы Индигирка стала действенным источником пищевых и сопутствующих ресурсов, необходимо «понимать» реку и соотноситься с ее «поведением».

В тундре, без электричества и магазинов, для формирования пищи совмещаются два варианта «потоков»: первый – активный социально-культурный, когда в результате экономических операций приобретаются продукты в поселковых магазинах, собирается требующийся скарб, и все это доставляется в тундру; и второй, пассивно-соотносительный, в котором также присутствуют элементы активности, однако основной рисунок его несколько иной и связан не столько с дискретной стыковкой-контактом, сколько с процессуальностью – соотношением, позволяющим получить необходимые ресурсы¹⁶. В контексте теории ассамбляжей перечисленные практики направлены на территориализацию формируемой сборки, однако ситуация такова, что для производства ассамбляжа питания необходимо параллельно (или последовательно) заниматься добычей дров, поддержанием огня, изысканием и транспортировкой пищевых ресурсов, заготовкой воды из реки, доставкой посуды и т. д.

СТЯГИВАНИЕ В ТОЧКУ

Формирование пищи в Новом Ойотунге происходит в результате помещения различных ресурсов в границы определенного пространства с последующими преобразованиями внутри этих границ (в то же время концентрация ресурсов в рамках конкретной локальности позволяет наделять эту территорию актуальными для местных жителей свойствами). Привезенные из Чокурдаха пищевые продукты и кухонный инвентарь, собранный вдоль берега плавник для растопки печи, вода, принесенная в дом из реки, и другие элементы – все это необходимые слагаемые пространства в процессе приготовления пищи. Требуется сосредоточить рассеянные элементы вокруг центра, которым технологически является кухня, а фактически – человек с потребностями в питании. Происходит «тонкая настройка» (Березницкий 2022) системы потоков таким образом, чтобы запланированное действие было реализовано.

¹⁶ Данный вид производства взаимных отношений людей, объектов природы, покупных продуктов, инструментов и пр. с целью существования в определенном локусе может быть описан через концепт *correspondence*, используемый Ингольдом. Прибегая к нему, антрополог стремится продемонстрировать, как объекты, с одной стороны, существуют, сохраняя свою целостность, а с другой – соотносятся с окружающим многообразием феноменов, переплетаясь и тем самым создавая социальную жизнь в широком смысле (Ingold 2016:6).

КОНФИГУРИРОВАНИЕ И АКТИВАЦИЯ

После того как привезенные вещи были доставлены в дом, начался процесс уборки помещений, одновременно с которой происходило распределение принесенных предметов по своим местам. «Свое место» обнаруживает наличие соответствующих пространственных и функциональных ниш для каждого объекта. Знание таких мест неотделимо от обладания «правильными» навыками для выполнения поставленных задач. Важным условием пребывания в тундре выступает довольно четкое разделение и исполнение функций участниками деятельности, осознаваемое, но зачастую не проговариваемое.

Сразу по прибытии в Новый Ойотунг, пока мы с В. Л. переносили привезенную поклажу в дом, А. С. занялась сбором голубики. Когда спустя несколько минут я вышел из дома и подошел к А. С., первым ее вопросом было: «Где В. Л.? Он печку уже затопил?». Я затруднился с ответом, но в скором времени увидел, что из трубы пошел дым. А. С. прервала сбор ягод, и мы отправились в дом обедать. На столе появились привезенные из Чокурдаха жареные, соленые чиры¹⁷, оладьи, сливочное масло, голубичное варенье, чай, сахар, пироги с мясом. После трапезы мы накрыли газетой часть продуктов на столе, перевязали целлофановые пакеты с пирогами, закрыли пластиковый контейнер с рыбой, собрали и приготовили для мытья посуду. А. С. снова отправилась за голубикой, а мы с В. Л. приступили к подготовке дров из стоявшего рядом с домом плавника.

Описываемые действия упаковки, распаковки, доставки, перестановки, расстановки посуды, ее сбора и т. д. выглядят как длительный, разной степени интенсивности процесс координации потоков, перемещений, взаимодействий. Человек находится в гуще конфигурируемых элементов, социальные взаимодействия нечасто акцентируются словами – создается впечатление, что В. Л. и А. С. прибегают к вербализации лишь для расстановки едва заметных акцентов в идущем по знакомому им сценарию действию (Гофман [1986] 2003). Утро следующего дня также начинается с выполнения распределенных задач: В. Л. отправляется на реку за водой, в то время как А. С. занимается приготовлением завтрака. Следует отметить, что обязанности по готовке полностью ложились на А. С., которая выполняла их в свободное от сбора ягод время. Мы же с В. Л. настраивали микроинфраструктуру участка, позволяющую нам находиться в этом месте в течение времени, необходимого для сбора ягод.

Для готовки в Новом Ойотунге используется минимальное количество ресурсов, которые нуждаются в постоянном пополнении: дрова, вода и пищевые продукты. Некоторые элементы посуды (столовые приборы) находятся в тундровом доме постоянно, но кастрюли, чайники, сковорода, как правило, перемещаются между разными точками пребывания хозяев. Печь, дом и его внутренняя планировка выступают относительно неизменными, устойчивыми феноменами. Следовательно, хотя Новый Ойотунг нельзя назвать стоянкой кочевников, поскольку здесь существуют фиксированные элементы, в то же время значительная часть ресурсов, предназначенных для приготовления пищи, перемещается, «кочует»

¹⁷ Чир (лат. *Coregonus nasus*) – пресноводная рыба из рода сегов.

вместе с людьми (Головнев, Гарин и Куканов 2016) или периодически пополняется из окружающей среды.

Питание локализуется не только в каком-либо внешнем, отдельном пространстве (физическом, экономическом и пр.) – оно также существует в контексте общей социальной морфологии (Дюркгейм 1995), неоднородно деформируя отдельные компоненты этой среды. Если рассматривать объекты социальных отношений и сами отношения, не выделяя их в жестко разграниченные группы (природные, культурные и другие), но поместив «на плоскость» (DeLanda 2013), то питание окажется способом конфигурации отношений, сгустком элементов. Процесс «сгущения» компонентов для реализации питания приводит к изменению плотностей в соседних зонах иных социально-практических феноменов (собирательства голубики, рыболовства, охоты и пр.). Практики, связанные с питанием, существуют не отдельно от собирания ягод, рыболовства, уборки в доме, но соотносены с ними, рассеяны в них и формируются ими. Наиболее явно это прослеживается в распорядке дня в Новом Ойотунге: после завтрака следует хозяйственная активность с последующим чередованием трапезы, работы и т. д. Собирая голубику или распиливая плавник на дрова, местные жители связаны с пищей двойко: биологически и социокультурно. Если в первом случае речь идет о связи через чувство голода, то во втором деятельность соотносится с феноменом питания так, что 1) она сама может быть подготовкой условий питания (пиление дров для печи), 2) человек осознает собственную роль в производстве пищи и соотносит разные виды своей деятельности с этой ролью (А. С., собирая голубику, понимает, что должна вернуться в дом в определенное время, чтобы приготовить еду). В свою очередь, рацион, время и место питания связаны с особенностями деятельности людей.

В. Л. и А. С. сосредоточивают в своих руках контроль над большинством процессов по производству пищи, взаимодействуя с широким набором акторов: обращаются к духам через их кормление, задействуют аспекты телесности, манипулируют различными материалами, используют собственные навыки организации и упорядочивания ресурсов. Основное отличие тундры от городской и поселковой специфики состоит в том, что хозяева дома в Новом Ойотунге подготавливают пищу на разных уровнях: от добычи сырья и обеспечения всех условий готовки до собственно готовки и потребления. Деятельность, связанная с питанием, в тундровых условиях требует большего времени, чем в поселковой среде, где длительные процессы сжимаются благодаря наличию автономных ассамбляжей. Показательно, что в тундре эти действия максимально неабстрактны и неотчуждены, а имеющиеся абстрактность и отчужденность распределяются внутри действующей социальной группы, порождаются и оседают в ней (Goffman 1974:10 цит. по Батыгин 2003:42). В Новом Ойотунге В. Л. и А. С. совершают конкретные операции с «первоисточниками»: не платят за электричество, а собирают, приносят и пилят дрова; не «погашают» коммунальные платежи, но берут воду из реки, отапливают дом печкой-буржуйкой, вступая в непосредственный контакт с окружающей средой.

Соразмерный человеку ассамбляж, рассмотренный в рамках тундрового участка, представляет собой принципиально иную форму существования ассамбляжей по сравнению с предыдущим параграфом, посвященным поселковым процессам. Если там человек находится в контексте уже структурированного с точки зрения своих потребностей пространства и занимается его «донастройкой» (привлекая, впрочем, и внепоселковые практики), то в Новом Ойотунге происходит «раздувание» ассамбляжа, как воздушного шара, а не его нарезание на изолированные сектора, подобно тарту. Между отдельными практиками нет непроницаемых границ, в первую очередь, потому что они все концентрируются и плотно связываются в руках узкого круга тесно связанных между собой лиц. Один вид хозяйственной деятельности непосредственно обусловлен другим (и обуславливает его). До приезда В. Л., А. С. и меня в Новый Ойотунг в нем не было ни территориализации, ни детерриториализации ассамбляжа питания людей. Следовательно, в «микромасштабе» или в *dwelling perspective* открывается и актуализируется такая грань ассамбляжа, как возникновение или становление, *becoming* по Ингольду (Ingold 2018).

РЫБОЛОВЕЦКИЕ УЧАСТКИ

Последний параграф касается питания в контексте рыболовецкого промысла. Рыболовство в Аллаиховском улусе является ключевой сферой деятельности, представленной двумя основными производственными кооперативами – «Аллайха» в Чокурдахе и «Русское Устье» в одноименном селе. Для последнего данная отрасль хозяйства оказывается поселкообразующей, поскольку в ней занято подавляющее большинство мужского населения. Вообще рыболовство дает возможность местным жителям существовать в экономическом и продовольственном плане комфортнее, чем их соседи из других сел района (Шахова 2013).

Лов рыбы в период летней путины ведется сетями и неводами преимущественно из Индигирки; зимой центрами рыболовной активности становятся многочисленные озера, а основным инструментом – сети. Опорными точками промысла выступают расположенные вдоль реки рыболовецкие участки. Их существование и местоположение в основном определяются сложившейся преемственностью (Зензинов 1914), а также экономической целесообразностью и мерами административного регулирования. Некоторые рыбаки пребывают на заимках в одиночку, другие объединяются с товарищами. Время, проведенное на рыбалке без посещения села, тоже разнится: от целого лета с нечастыми приездами в село до каждодневной циркуляции по линии село – участок. Как правило, в Русское Устье редко приезжают те, чья заимка расположена дальше 15 км от населенного пункта: из-за больших трат на топливо такие переезды оказываются экономически необоснованными. Кроме того, иногда рыбаки проводят время на участке, потому что психологически им комфортнее находиться там, нежели в селе. В зависимости от указанных условий варьируются и особенности производства пищи.

На рыболовецких участках действует примерно та же логика, что и в Новом Ойотунге, выражаемая через упомянутые способы ресурсных операций: «упаковка/распаковка», «контроль потоков», «стягивание в точку», «конфигурирование и активация». Однако перечисленные процессы существуют в несколько ином режиме. В первую очередь, это касается связи питания с производственной деятельностью. Профессиональное рыболовство, в отличие от размеренного и ситуативного сбора голубики, предполагает гораздо большую хозяйственную активность для достижения целей промысла. Ассамбляж пищи, контекстуализированный рыболовством, открывает две дополнительных модальности функционирования концепта: «смещение центра ассамбляжа» и «наложение ассамбляжей (интенсификация)».

СМЕЩЕНИЕ ЦЕНТРА АССАМБЛЯЖА

Как говорилось выше, производство еды в населенных пунктах предполагает концентрацию ресурсов, материальности, условий хранения, а также других ассамбляжей, которые местные жители адаптируют для достижения пищевой безопасности, то есть с целью получения необходимых для жизнедеятельности пищевых ресурсов (Pottier 1999) – например, используется энергия дизельной электростанции и пр. Менее масштабные формы освоения пространства, распространенные вокруг поселков, являются зависимыми от более крупных, что иллюстрируется особенностями производства питания на рыболовецких участках. Помимо этого, такая форма зависимости имеет определенный «градиент», связанный со степенью удаленности от центра, а также особенностями «микроинфраструктуры» и деятельности на участке.

Перечень материальных компонентов, позволяющих приготовить пищу на рыболовецкой заимке, меняется в зависимости от месторасположения и деталей промысла. Базовым условием выступает дом, в котором отдыхают и/или живут, а следовательно, готовят и едят рыбаки. В нем расположены нагревательные устройства – чаще всего печь-буржуйка и портативная газовая плита, электрогенератор, канистры с водой, умывальник, полки с посудой и пищевыми запасами. Снаружи дома находятся дрова, а в нескольких десятках метров протекает река, дающая воду для приготовления пищи. Вместе с тем к важным элементам следует отнести лодки, бензин для передвижения в лодках и работы электрогенераторов. На каждом рыболовецком участке локально добывается основной источник питания – рыба, являющаяся одновременно и экономическим, и пищевым ресурсом (Рахманова 2020).

Рис. 3. На рыболовецком участке «Горлышко». Фото автора

Несмотря на схожую материальную базу, рыболовецкие участки отличаются друг от друга. В том случае, когда у рыбаков имеется возможность каждый день возвращаться в село, не возникает необходимости масштабно завозить пищевые продукты впрок. Так, на участке «Горлышко» во время полевого исследования были отмечены макароны, чай, кофе, соль, сахар, конфеты, растительное масло – все в небольшом количестве. Основной пищевой продукт – рыба – добывался на месте. Кроме того, группа рыбаков имела постоянную возможность привезти с собой из Русского Устья рыбный пирог, яйца, хлеб, печенье, варенье и т. п. Старший в звене Р. Т. следил за тем, чтобы его товарищи не испытывали чувство голода, поэтому брал на себя обязанности повара, готовя уху, яичницу, оладьи и другие блюда.

Некоторые рыбаки, проводящие на участках больше времени, тоже отправляются в село для закупки необходимых продуктов, однако делают это реже, примерно раз в неделю: «кое-что завозим [впрок], конечно: растительное масло... его завез, и лежит тут. Так хлеб и прочее – чай, сахар, конечно. Один раз завез, да и хорошо», – сообщил К. В. (ПМА). Другие приезжают в село реже, что отражается на материальном оснащении участка: увеличивается разнообразие и количество посуды, появляются такие предметы, как мясорубка; а продукты завозятся в больших объемах, поскольку нет возможности без экономических потерь и затрат значительного количества энергии приехать в Русское Устье и приобрести желаемые продукты. По той же причине на удаленных участках существуют ледники и морозильные камеры, в которых хранится выловленная рыба и привезенная оленина.

Однако удаленность от села может быть не только территориальной, но и функциональной. Например, члены бригады приемщиков рыбы на участке «Стариково», расположенном в полутора километрах от села, бывают в Русском Устье гораздо реже (раз в одну или две недели), чем рыбаки из «Горлышка» в такой же территориальной удаленности от Русского Устья. Это связано с особенностями профессиональной занятости первых: необходимо постоянно принимать, обрабатывать, складировать рыбу. В свободное же время они тоже неводят и сдают улов в общину. Мощный электрогенератор в «Стариково», установленный для обеспечения работы морозильных камер, позволяет использовать энергию для подключения электропечи и чайника, тем самым создавая отличия материальной базы данного участка от других. Как и в случае с поселковой инфраструктурой, избыточный ресурс местной временной инфраструктуры формирует дополнительные возможности для реализации пищевых практик (Давыдова и Давыдов 2020:71).

Таким образом, приведенные примеры показывают, что степень территориализации и кодирования ассамбляжа питания на рыболовецких участках определяется одновременным вхождением в ассамбляжи разных масштабов: общепоселкового и локально-специфического.

НАЛОЖЕНИЕ АССАМБЛЯЖЕЙ (ИНТЕНСИФИКАЦИЯ)

Пространственный аспект встроен в организацию практик питания, по крайней мере в двух логиках – индивидуальной и системной. Первая связана с необходимостью рыболовецкой бригады и каждого ее члена в отдельности удовлетворять собственные потребности в пище, для чего на заимках, в зависимости от степени их удаленности от населенного пункта и особенностей хозяйственного цикла, появляются дополнительные материальные объекты. Во втором случае сказывается основная причина существования рыбацких заимок в низовьях Индигирки – работа производственного кооператива. Обязательство выполнять нормы рыбодобычи, устанавливаемые территориальным управлением Росрыболовства, стремление к рентабельности кооператива и личному материальному благосостоянию общинников – все это делает актуальным существование рыболовецких участков вдоль реки, а в зимнее время – на озерах. Их разноудаленность предполагает создание соответствующих условий хранения рыбы с целью ее последующего сбыта, для чего появляются пункты приема и обработки, морозильные камеры. Данные объекты, связанные с транслокальной деятельностью, в свою очередь, оказывают влияние на индивидуальные практики аккумуляции пищевых ресурсов, предоставляя возможность рыбакам хранить рыбу, мясо и другие продукты для личного потребления, пользоваться услугами рефрижераторных судов для приобретения пищевых продуктов и т. д. ДеЛанда пишет, что ассамбляжи меньшего масштаба образуют более крупные и влияют на них (DeLanda 2006); так и практики питания выстраивают повседневность, позволяют существовать производственному кооперативу. Нужно, однако, подчеркнуть, что существует и обратное влияние, то есть происходит циркуляция влияния между разномасштабными ассамбляжами. В отличие от ситуации в Новом Ойотунге, где разные ассамбляжи

растягиваются горизонтально, сливаясь друг с другом, на рыболовецком участке происходит наложение локальной инфраструктуры и ресурсной базы производственного кооператива, что создает синергетический эффект, позволяя рыбакам больше времени уделять рыболовству.

Местная социальная инфраструктура, основанная на личных контактах и непосредственном взаимодействии с окружающей средой, используется в качестве ресурса для формирования рыночной структуры, частью которой является производственный кооператив. Анна Левенхаупт Цзин назвала подобный процесс «“salvage” accumulation» (Lowenhaupt Tsing 2015). Работа общины как кооператива преобразует и дополняет конфигурацию и содержание локальной социальной сети, перераспределяя и интенсифицируя протекающие в ней процессы¹⁸. Пример Нового Ойотунга описывает существование участка без интенсификации: в нем отсутствует электричество, распорядок дня плотно привязан к циклам солнечной активности; хозяйственная деятельность нестрого определяет положение практик питания; нет четкого графика посещений данной территории. Однако наличие коммерческого интереса, извлекаемого в результате рыболовства, способствует трансформации сложившихся процессов. Это заметно влияет и на питание, выступающее ключевым условием функционирования хозяйственной системы. Поэтому на заимках устанавливаются электрогенераторы, создающие возможность в удобных условиях готовить пищу рано утром и вечером, а значит – увеличивать продолжительность вылова, выходя за природные ограничения в виде длительности светового дня. Рыбаки централизованно снабжаются продуктами питания, бензином, средствами лова, а руководство общины помогает им в строительстве новых домов на участках. В примере с кооперативом также происходит взаимодействие с локальными ресурсами, однако некоторые аспекты контроля потоков отчуждены от рыбаков и находятся в ведении главы общины. Создаваемая в рамках кооператива материальность и ее связность расширяют границы возможных стратегий деятельности.

ВЫВОДЫ

Теория ассамбляжей позволяет увидеть картину производства пищи в Аллаиховском районе комплексно, учитывая материальные, нематериальные, структурные, функциональные и иные параметры, а также проанализировать потенциал питания как способа организации разнородных объектов в пространстве. Но вместе с тем она имеет и определенные недостатки. В первую очередь, можно выделить ее механистичность и оторванность от эмпирического материала (Ingold 2015:7), поскольку концепция предполагает предзаданные инструменты анализа, не зависящие от объекта исследования. Для решения данной проблемы в статье было предложено связать теорию ассамбляжа с этнографическим материалом через концепт *dwelling perspective* Ингольда, предполагающий принятие во внимание индивидуальных и коллективных практик существования людей в окружающей среде

¹⁸ Как и в примерах Владимира Давыдова, «интенсификация» мест, отношений, мобильности происходит в результате столкновения локального с внешними акторами (Davydov 2011).

(Ingold 1993), что привело к апробации идеи «соразмерного человеку ассамбляжа». Указанная концептуальная гибридизация понадобилась для того, чтобы использовать ассамбляж в качестве инструмента изучения производства пищи в гетерогенном пространстве, параллельно включая в анализируемые объекты само неоднородное пространство.

Производство питания в Аллаиховском районе актуализирует множество компонентов, но значимым в ходе исследования оказался вопрос не столько о составе формируемых сборок, сколько о связи между разными ассамбляжами. Как указал Ингольд, одна из проблем концепта ассамбляжа заключается в его стремлении к изолированию явлений, в то время как концепция «линий-узлов» прослеживает сосуществование множества длительно существующих процессов (Ingold 2016). Эмпирический материал показывает, что изоляция ассамбляжей возможна далеко не всегда: чем меньше ресурсов, людей, «делегатов», которым перепоручаются задачи, тем менее изолированными ассамбляжами заполняется пространство. Напротив, в условиях минимализма происходит «раздувание» одной сборки, не обладающей четкими границами ни снаружи, ни изнутри. На основе этого можно сделать вывод о том, что повседневные термины (охота, рыболовство, питание и пр.) не всегда адекватно отражают отношения между объектами и их свойствами, поскольку они разделяют и дробят практики, которые, напротив, требуют обобщения. Кроме того, в качестве стратегий организации ассамбляжей питания выделяются такие модальности, как «смещение центра ассамбляжа» и интенсифицирующее «наложение ассамбляжей».

Таким образом, в статье описаны некоторые формы производства пищи в условиях Северной Якутии с помощью концепции ассамбляжа, видоизмененного ингольдианским инструментариумом. Питание рассмотрено не как изолированная практика, а как результат (и процесс) совокупности действий, материальных и социальных условий, в которых живет население Аллаиховского улуса. В такой перспективе производство пищи выступает способом ориентации людей в ресурсном, практическом и социальном потенциале пространства, в качестве важного способа организации окружающей среды. Соразмерный человеку ассамбляж в некоторой степени лишает его субъектности, но этот тезис требует уточнений. Действующее лицо не исчезает, но расширяется и переопределяется. Из внимания выпадает человек как отделенная от протекающих вокруг процессов фигура; субъектность выходит за границы биологического тела и, вообще, фиксированных объектов. Она наполняет и структурирует пространство отношений, возникающих в процессе деятельности человека. Питание не является лишь актом потребления, но представляет собой комплекс связей в окружающей среде; это мета-объект, в рамках которого субъектность/объектность находятся в ускользающем единстве переплетенных процессов (Ingold 2015). Соразмерный человеку ассамбляж предлагает один из возможных шагов в направлении изучения недолговечных, варьирующих и многосоставных феноменов, наполняющих повседневность и возникающих в результате пребывания человека в пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азбелев, Сергей и Никита Мещерский, ред. 1986. *Фольклор Русского Устья*. Л.: Наука.
- Арзютов, Дмитрий. 2020. «Приручение энергий в ненецких тундрах: окружающая среда и технологии на Российском Севере». С. 114–142 в *Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических изменений*, под ред. Владимира Давыдова. М.: Издательство восточной литературы.
- Афанасьева, Галина и Юрий Симченко. 1993. «Традиционная пища береговых и оленных чукчей». С. 56–100 в *Сибирский этнографический сборник*, вып. 6, кн. 1. М.: ИАЭ РАН.
- Ацуси, Ёсида. 1997. «Культура питания гыданских ненцев: интерпретация и социальная адаптация». Автореферат диссертации кандидата исторических наук, Институт этнологии и антропологии РАН, Москва.
- Батыгин, Геннадий. 2003. «Континуум фреймов: социологическая теория Ирвинга Гофмана (вступительная статья)». С. 7–56 в *Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта*, Ирвинг Гофман. М.: Институт социологии РАН.
- Беннет, Джейн. [2010] 2018. *Пульсирующая материя: политическая экология вещей*. Пермь: Гиле Пресс.
- Березницкий, Сергей. 2022. «Тонкая настройка своего мира». *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: гуманитарные науки* 15(2):220–233. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0903>.
- Биркенгоф, Андрей. 1972. *Потомки землепроходцев*. М.: Мысль.
- Богораз-Тан, Владимир. 1991. *Материальная культура чукчей*. М.: Наука.
- Ватэ, Виржини и Елена Давыдова. 2018. «Пища, эмоции и социальные отношения у амгуэмских чукчей». *Кунсткамера* 2:119–126. <https://doi.org/10.31250/2618-8619-2018-2-119-126>.
- Головнев, Андрей, Николай Гарин и Денис Куканов. 2016. *Оленеводы Ямала (материалы к атласу кочевых технологий)*. Екатеринбург: УрО РАН.
- Головнев, Андрей, Денис Куканов и Елена Перевалова. 2018. *Арктика: атлас кочевых технологий*. Екатеринбург: МАЭ РАН.
- Гофман, Ирвинг. [1986] 2003. *Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта*. М.: Институт социологии РАН.
- Гурвич, Илья. 1977. *Культура северных якутов-олленеводов: к вопросу о поздних этапах формирования якутского народа*. М.: Наука.
- Давыдов, Владимир. 2020a. «Контейнеризация Арктики: мобильные модули освоения пространства на Крайнем Севере». *Кунсткамера* 3(9):121–129. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2020-3\(9\)-121-129](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2020-3(9)-121-129).
- Давыдов, Владимир, ред. 2020b. *Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических изменений*. М.: Издательство восточной литературы.
- Давыдова, Елена. 2019. «Холодильник, соль и сахар: добыча и технологии обработки пищи на Чукотке». *Сибирские исторические исследования* 2:143–161. <https://doi.org/10.17223/2312461X/24/8>.
- Давыдова, Елена и Владимир Давыдов. 2020. «Пути пищи: перемещение и распределение продуктов на Чукотке». *Кунсткамера* 1(7):67–73. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2020-1\(7\)-67-73](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2020-1(7)-67-73).
- Дюркгейм, Эмиль. 1995. *Социология: Ее предмет, метод, предназначение*. М.: Канон.
- Зензинов, Владимир. 1914. *Старинные люди у холодного океана: Русское Устье Якутской области Верхоянского округа*. М.: Тип. П. П. Рябушинского.
- Иохельсон, Владимир. [1926] 2005. *Юкагиры и юкагиризированные тунгусы*. Новосибирск: Наука.
- Капустина, Екатерина. 2017. «Между Севером и землей: дорога из Западной Сибири в Дагестан как элемент социального пространства транслокального мигранта». *Социологические исследования* 5:26–34.
- Красавин, Игорь. 2019. «Устройство сборки, или Симуляция онтологии у Мануэля ДеЛанда». *Социология власти* 31(2):136–154. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-2-136-154>.

- Латур, Бруно. [2005] 2020. *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Нордфальт, Йенс. [2011] 2015. *Ритейл-маркетинг: Практики и исследования*. М.: Альпина Паблишер.
- Павлов, Александр. 2013. *Индижирка от истока до устья*. Якутск: Медиа-холдинг «Якутия».
- Рахманова, Лидия. 2020. «Ты зачем деньги ешь?»: О ресурсной и нересурсной природе рыбы». *Кунсткамера* 7(1):79–86. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2020-1\(7\)-79-86](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2020-1(7)-79-86).
- Сирина, Анна. 2012. *Звенки и звены в современном мире: Самосознание, природопользование, мировоззрение*. М.: Восточная литература.
- Сулейманов, Александр. 2018. «Ресурсы холода» в системе питания якутов: традиции и современность». *Научный диалог* 2:263–274. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-2-263-274>.
- Туголуков, Владилен. 1979. *Кто вы, юкагиры?* М.: Наука.
- Урри, Джон. [1990] 2005. «Взгляд туриста и глобализация». С. 136–150 в *Массовая культура: современные западные исследования*, под ред. Веры Зверевой. М.: Прагматика культуры.
- Урри, Джон. [2007] 2012. *Мобильности*. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис».
- Цзин, Анна Левенхаупт. [2015] 2017. *Гриб на краю света. О возможности жизни на руинах капитализма*. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Чикачев, Алексей. 1990. *Русские на Индижирке. Историко-этнографический очерк*. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение.
- Чикачев, Алексей. 2010. *Русское сердце Арктики*. Якутск: Литературный фонд.
- Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2018 года. 2018. М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат).
- Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2020 года. 2020. М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат).
- Шахова, Валентина. 2013. *Родовая община «Русское Устье»*. Якутск: Бичик.
- Яптик, Елизавета. 2020. «Дачный» чум как стратегия хозяйственной деятельности ненцев Ямала». *Кунсткамера* 7(1):43–50. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2020-1\(7\)-43-50](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2020-1(7)-43-50).
- Antczak, Konrad, and Mary Beaudry. 2019. "Assemblages of Practice: A Conceptual Framework for Exploring Human-Thing Relations in Archaeology." *Archaeological Dialogues* 26(2):87–110. <https://doi.org/10.1017/S1380203819000205>.
- Davydov, Vladimir. 2011. "People On the Move: Development Projects and the Use of Space by Northern Baikal Reindeer Herders, Hunters, and Fishermen." PhD dissertation, Department of Anthropology, Aberdeen University.
- DeLanda, Manuel. [2002] 2013. *Intensive Science and Virtual Philosophy*. London: Bloomsbury.
- DeLanda, Manuel. 2006. *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*. London: Continuum.
- Gavrilova, Ksenia. 2017. "Temporal Dimension of Attitudes toward Infrastructure and Opportunities for Relocation from the Northern Town: The Case of Kamchatskii Krai." *Sibirica* 16(3):35–56. <https://doi.org/10.3167/sib.2017.160303>.
- Gibson, James. 1979. *The Ecological Approach to Visual Perception*. Boston: Houghton Mifflin Harcourt.
- Goffman, Erving. 1974. *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. London: Harper and Row.
- Ingold, Tim. 1993. "The Temporality of the Landscape." *World Archaeology* 2:152–174.
- Ingold, Tim. [2000] 2011. *The Perception of the Environment*. Abingdon, UK: Routledge.
- Ingold, Tim. 2007. "Materials against Materiality." *Archaeological Dialogues* 14(1):1–16. <https://doi.org/10.1017/S1380203807002127>.
- Ingold, Tim. 2011. *Being Alive: Essays on Movement, Knowledge and Description*. Abingdon, UK: Routledge.
- Ingold, Tim. 2013. *Making: Anthropology, Archaeology, Art and Architecture*. Abingdon, UK: Routledge.

- Ingold, Tim. 2015. *The Life of Lines*. Abingdon, UK: Routledge.
- Ingold, Tim. 2016. "On Human Correspondence." *Journal of the Royal Anthropological Institute* 23(1):9–27. <https://doi.org/10.1111/1467-9655.12541>.
- Ingold, Tim. 2018. "One World Anthropology." *HAU: Journal of Ethnographic Theory* 8(1–2):158–171. <https://doi.org/10.1086/698315>.
- Konstantinov, Yulian, and Vladislava Vladimirova. 2006. "The Performative Machine: Transfer of Ownership in a Northwest Russian Reindeer Herding Community (Kola Peninsula)." *Nomadic Peoples* 10(2):166–186. <https://doi.org/10.3167/np.2006.100210>.
- Lyons, Kristina. 2016. "Decomposition as Life Politics: Soils, Selva, and Small Farmers under the Gun of the U.S.–Colombian War on Drugs." *Cultural Anthropology* 31(1):56–81. <https://doi.org/10.14506/ca31.1.04>.
- Lyons, Kristina. 2020. *Vital Decomposition: Soil Practitioners and Life Politics*. Durham, NC: Duke University Press.
- MacKendrick, Norah. 2014. "Jargon: Foodscape." *Contexts* 13(3):16–18. <https://doi.org/10.1177/1536504214545754>.
- Marsden, Terry, Paul Hebinck, and Erik Mathijs. 2018. "Re-building Food Systems: Embedding Assemblages, Infrastructures and Reflexive Governance for Food Systems Transformations in Europe." *Food Security* 10:1301–1309. <https://doi.org/10.1007/s12571-018-0870-8>.
- Pottier, Johan. 1999. *Anthropology of Food: The Social Dynamics of Food Security*. Cambridge: Polity Press.
- Stammler, Florian. 2013. "Narratives of Adaptation and Innovation: Ways of Being Mobile and Mobile Technologies among Reindeer Nomads in the Russian Arctic." Pp. 221–245 in *Nomadic and Indigenous Spaces: Productions and Cognitions*, edited by Judith Miggelbrink, Joachim Habeck, Nuccio Mazzullo, and Peter Koch. Farnham, UK: Ashgate.
- Stépanoff, Charles, and Jean-Denis Vigne, eds. 2018. *Hybrid Communities: Biosocial Approaches to Domestication and Other Trans-species Relationships*. London: Routledge.
- Tilley, Christopher. 1994. *A Phenomenology of Landscape: Places, Paths and Monuments*. Oxford: Berg Publishers.
- Tsing, Anna Lowenhaupt. 2015. *The Mushroom at the End of the World: On the Possibility of Life in Capitalist Ruins*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Vakhtin, Nikolai. 2017. "Mobility and Infrastructure in the Russian Arctic: Das Sein bestimmt das Bewusstsein?" *Sibirica* 3(16):1–13. <https://doi.org/10.3167/sib.2017.160301>.
- Yamin-Pasternak, Sveta, Peter Schweitzer, Igor Pasternak, Andrew Kliskey, and Lilian Alessa. 2017. "A Cup of Tundra: Ethnography of Thirst and Water in the Bering Strait." Pp. 117–136 in *Meanings and Values of Water in Russian Culture*, edited by Jane Costlow and Arja Rosenholm. London: Routledge.
- Yates-Doerr, Emily. 2015. "Does Meat Come from Animals? A Multispecies Approach to Classification and Belonging in Highland Guatemala." *American Ethnologist* 42(2):309–323. <https://doi.org/10.1111/amet.1213>.

СПИСОК ПРОЦИТИРОВАННЫХ ИНТЕРВЬЮ

Инициалы информанта	Пол	Возраст	Профессиональная занятость
В. В.	Жен.	51 год	Учительница
В. Л.	Муж.	74 года	Пенсионер
А. С.	Жен.	73 года	Пенсионерка
К. В.	Муж.	63 года	Пенсионер
Р. Т.	Муж.	48 лет	Рыбак

MODES OF FOOD PRODUCTION IN ARCTIC YAKUTIA (THE CASE OF ALLAIKHOVSKII ULUS)

Nikolai S. Goncharov

Nikolai S. Goncharov, Department of Siberian Ethnography, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences. Address for correspondence: Kunstkamera, Universitetskaya nab., 3, Saint Petersburg, 199034, Russia. nikola.gon4arov@yandex.ru.

Research for this article was conducted within the Russian Science Foundation project "Food in the Russian Arctic: Resources, Technologies, and Innovations" (No. 19-78-10002).

Using assemblage theory, this article, based on field work conducted in the Allaikhovskii Ulus (district) of the Republic of Sakha (Yakutia) in 2019, describes how the activities of local residents in food production change depending on different spatial conditions: in the village, at the "tundra dacha," and in the fishing area. It investigates specific forms of "dwelling perspective assemblages" in different spatial contexts deploying theoretical tools developed by Tim Ingold and Manuel DeLanda. Food production is considered not as an isolated practice but as a result of a set of actions, material and social conditions in which the population of the Allaikhovskii Ulus lives. The processes of food production employ different modalities of the environment and include many components: from wood and metal to spirits and ritual actions. The question of the connection between different assemblages turned out to be significant. Empirical material shows that the isolation of assemblages is not always possible, and complete isolation is most likely impossible. The fewer resources, people, "delegates" to whom tasks are passed on, the less structured assemblages fill the space. Depending on the change in spatial conditions, such characteristics as "inflating the assemblage," "shifting the center of the assemblage," and "overlapping assemblages (intensification)" were identified. They reflect different strategies of food production. "Dwelling perspective assemblage" to some extent deprives a person of subjectivity; however, the actor does not disappear but expands and redefines themselves. The actor stops being a figure separated from the processes taking place around them; subjectivity expands beyond the boundaries of the biological body and fixed objects. It fills and structures the space of relations that arise in the process of activity. Food is not only an act of consumption but is a complex of relationships in the environment; it is a metaobject, within which subjectivity/objectivity is in an elusive unity of intertwined processes.

Keywords: Yakutia; Allaikhovskii Ulus; Village; Tundra; Food Resources; Assemblages; Dwelling Perspective Assemblage

REFERENCES

- Afanas'eva, Galina, and Iurii Simchenko. 1993. "Traditsionnaia pishcha beregovykh i olennykh chukchei." Pp. 56–100 in *Sibirskii etnograficheskii sbornik*, vol. 6, book 1. Moscow: IAE RAN.
- Antczak, Konrad, and Mary Beaudry. 2019. "Assemblages of Practice: A Conceptual Framework for Exploring Human-Thing Relations in Archaeology." *Archaeological Dialogues* 26(2):87–110. <https://doi.org/10.1017/S1380203819000205>.
- Arzyutov, Dmitry. 2020. "Priruchenie energii v nenetskiikh tundrakh: Okruzhaiushchaia sreda i tekhnologii na Rossiiskom Severe." Pp. 114–142 in *Energiiia Arktiki i Sibiri: Ispol'zovanie resursov v kontekste sotsial'no-ekonomicheskikh izmenenii*, edited by Vladimir Davydov. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury.
- Atsushi, Yoshida. 1997. *Kul'tura pitaniia gydanskikh nentsev (Interpretatsiia i social'naia adaptatsiia)*. Moscow: RAN, Institut etnologii i antropologii.
- Azbelev, Sergei, and Nikita Meshcherskii, eds. 1986. *Fol'klor Russkogo Ust'ia*. Leningrad: Nauka.
- Batygin, Gennadii. 2003. "Kontinuum freimov: Sotsiologicheskaia teoriia Irvinga Goffmana." Pp. 7–60 in *Analiz freimov: Esse ob organizatsii povsednevnogo opyta*, Irving Goffman. Moscow: Institut sotsiologii RAN.
- Bennett, Jane. [2010] 2018. *Pul'siruiushchaia materiia: Politicheskaiia ekologiiia veshchei*. Perm', Russia: Gile Press.
- Bereznitsky, Sergey. 2022. "Fine-Tuning Own World." *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 15(2):220–233. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0903>.
- Birkengof, Andrei. 1972. *Potomki zemleprokhdotsev*. Moscow: Mysl'.
- Bogoraz-Tan, Vladimir. 1991. *Material'naia kul'tura chukchei*. Moscow: Nauka.
- Chikachov, Aleksei. 1990. *Russkiiie na Indigirke: Istoriko-etnograficheskii ocherk*. Novosibirsk, Russia: Nauka.
- Chikachov, Aleksei. 2010. *Russkoie serdtse Arktiki*. Yakutsk, Russia: Literaturnyi fond.
- Chislennost' naseleniia Rossiiskoi Federatsii po munitsipal'nym obrazovaniiam na 1 ianvaria 2018 goda*. 2018. Moscow: Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki (Rosstat).
- Chislennost' naseleniia Rossiiskoi Federatsii po munitsipal'nym obrazovaniiam na 1 ianvaria 2020 goda*. 2020. Moscow: Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki (Rosstat).
- Davydov, Vladimir. 2011. "People On the Move: Development Projects and the Use of Space by Northern Baikal Reindeer Herders, Hunters, and Fishermen." PhD dissertation, Department of Anthropology, Aberdeen University.
- Davydov, Vladimir. 2020a. "Konteinerizatsiia Arktiki: Mobil'nye moduli osvoeniia prostranstva na Krainem Severe." *Kunstkamera* 3(9):121–129. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2020-3\(9\)-121-129](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2020-3(9)-121-129).
- Davydov, Vladimir, ed. 2020b. *Energiiia Arktiki i Sibiri: Ispol'zovanie resursov v kontekste sotsial'no-ekonomicheskikh izmenenii*. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury.
- Davydova, Elena. 2019. "Kholodil'nik, sol' i sakhar: Dobycha i tekhnologii obrabotki pishchi na Chukotke." *Sibirskiiie istoricheskiiie issledovaniia* 2:143–161. <https://doi.org/10.17223/2312461X/24/8>.
- Davydova, Elena, and Vladimir Davydov. 2020. "Puti pishchi: Peremeshcheniie i raspredeleniie produktov na Chukotke." *Kunstkamera* 1(7):67–73. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2020-1\(7\)-67-73](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2020-1(7)-67-73).
- DeLanda, Manuel. [2002] 2013. *Intensive Science and Virtual Philosophy*. London: Bloomsbury.
- DeLanda, Manuel. 2006. *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*. London: Continuum.
- Durkheim, Emil. 1995. *Sotsiologiia: Ee predmet, metod, prednaznacheniiie*. Moscow: Kanon.
- Gavrilova, Ksenia. 2017. "Temporal Dimension of Attitudes toward Infrastructure and Opportunities for Relocation from the Northern Town: The Case of Kamchatskii Krai." *Sibirica* 16(3):35–56. <https://doi.org/10.3167/sib.2017.160303>.

- Gibson, James. 1979. *The Ecological Approach to Visual Perception*. Boston: Houghton Mifflin Harcourt.
- Goffman, Erving. 1974. *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. London: Harper and Row.
- Goffman, Erving. [1986] 2003. *Analiz Freimov: Esse ob organizatsii povsednevnogo opyta*. Moscow: Institut sotsiologii RAN.
- Golovnev, Andrei, Nikolai Garin, and Denis Kukanov. 2016. *Olenevody Iamala (materialy k atlasu kochevykh tekhnologii)*. Yekaterinburg, Russia: UrO RAN.
- Golovnev, Andrei, Denis Kukanov, and Elena Perevalova. 2018. *Arktika: Atlas kochevykh tekhnologii*. Saint Petersburg, Russia: MAE RAN.
- Gurvich, Il'ia. 1977. *Kul'tura severnykh iakutov-olenevodov: K voprosu o pozdnykh etapakh formirovaniia iakutskogo naroda*. Moscow: Nauka.
- Iaptik, Elizaveta. 2020. "'Dachnyi' chum kak strategiiia khoziaistvennoi deiatel'nosti nentsev Iamala." *Kunstkamera* 1(7):43–50. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2020-1\(7\)-43-50](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2020-1(7)-43-50).
- Ingold, Tim. 1993. "The Temporality of the Landscape." *World Archaeology* 2:152–174.
- Ingold, Tim. [2000] 2011. *The Perception of the Environment*. Abingdon, UK: Routledge.
- Ingold, Tim. 2007. "Materials against Materiality." *Archaeological Dialogues* 14(1):1–16. <https://doi.org/10.1017/S1380203807002127>.
- Ingold, Tim. 2011. *Being Alive: Essays on Movement, Knowledge and Description*. Abingdon, UK: Routledge.
- Ingold, Tim. 2013. *Making: Anthropology, Archaeology, Art and Architecture*. Abingdon, UK: Routledge.
- Ingold, Tim. 2015. *The Life of Lines*. Abingdon, UK: Routledge.
- Ingold, Tim. 2016. "On Human Correspondence." *Journal of the Royal Anthropological Institute* 23(1):9–27. <https://doi.org/10.1111/1467-9655.12541>.
- Ingold, Tim. 2018. "One World Anthropology." *HAU: Journal of Ethnographic Theory* 8(1–2):158–171. <https://doi.org/10.1086/698315>.
- Johelson, Vladimir. [1926] 2005. *Iukagiry i iukagirizirovannye tungusy*. Novosibirsk, Russia: Nauka.
- Kapustina, Ekaterina. 2017. "Mezhdru Severom i zemlei: Doroga iz Zapadnoi Sibiri v Dagestan kak element sotsial'nogo prostranstva translokal'nogo migranta." *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* 5:26–34.
- Konstantinov, Yulian, and Vladislava Vladimirova. 2006. "The Performative Machine: Transfer of Ownership in a Northwest Russian Reindeer Herding Community (Kola Peninsula)." *Nomadic Peoples* 10(2):166–186. <https://doi.org/10.3167/np.2006.100210>.
- Krasavin, Igor. 2019. "Ustroistvo sborki, ili Simuliatziia ontologii u Manuela Delanda." *Sotsiologiiia vlasti* 2(31):136–154. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-2-136-154>.
- Latour, Bruno. [2005] 2020. *Peresborka sotsial'nogo: Vvedenie v aktorno-seteviiu teoriiu*. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki.
- Lyons, Kristina. 2016. "Decomposition as Life Politics: Soils, Selva, and Small Farmers under the Gun of the U.S.-Colombian War on Drugs." *Cultural Anthropology* 31(1):56–81. <https://doi.org/10.14506/ca31.1.04>.
- Lyons, Kristina. 2020. *Vital Decomposition: Soil Practitioners and Life Politics*. Durham, NC: Duke University Press.
- MackKendrick, Norah. 2014. "Jargon: Foodscape." *Contexts* 13(3):16–18. <https://doi.org/10.1177/1536504214545754>.
- Marsden, Terry, Paul Hebinck, and Erik Mathijs. 2018. "Re-building Food Systems: Embedding Assemblages, Infrastructures and Reflexive Governance for Food Systems Transformations in Europe." *Food Security* 10:1301–1309. <https://doi.org/10.1007/s12571-018-0870-8>.
- Nordfält, Jens. [2011] 2015. *Riteil-marketing: Praktiki i issledovaniia*. Moscow: Al'pina Publisher.
- Pavlov, Aleksandr. 2013. *Indigirka ot istoka do ust'ia*. Yakutsk, Russia: Media-holding "Yakutia."
- Pottier, Johan. 1999. *Anthropology of Food: The Social Dynamics of Food Security*. Cambridge: Polity Press.

- Rakhmanova, Lidia. 2020. "Ty zachem den'gi esh'?: O resursnoi i neresursnoi prirode ryby." *Kunstkamera* 1(7):79–86. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2020-1\(7\)-79-86](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2020-1(7)-79-86).
- Shakhova, Valentina. 2013. *Rodovaia obshchina "Russkoie Ust'ie."* Yakutsk, Russia: Bichik.
- Sirina, Anna. 2012. *Evenki i eveny v sovremennom mire: Samosoznaniie, prirodopol'zovaniie, mirovozzreniie.* Moscow: Vostochnaia literatura.
- Stammler, Florian. 2013. "Narratives of Adaptation and Innovation: Ways of Being Mobile and Mobile Technologies among Reindeer Nomads in the Russian Arctic." Pp. 221–245 in *Nomadic and Indigenous Spaces: Productions and Cognitions*, edited by Judith Miggelbrink, Joachim Habeck, Nuccio Mazzullo, and Peter Koch. Farnham, UK: Ashgate.
- Stépanoff, Charles, and Jean-Denis Vigne, eds. 2018. *Hybrid Communities: Biosocial Approaches to Domestication and Other Trans-species Relationships.* London: Routledge.
- Suleimanov, Aleksandr. 2018. "Resursy kholoda' v sisteme pitaniia iakutov: Traditsii i sovremenost'." *Nauchnyi dialog* 2:263–274. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-2-263-274>.
- Tilley, Christopher. 1994. *A Phenomenology of Landscape: Places, Paths and Monuments.* Oxford: Berg Publishers.
- Tsing, Anna Lowenhaupt. 2015. *The Mushroom at the End of the World: On the Possibility of Life in Capitalist Ruins.* Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Tsing, Anna Lowenhaupt. [2015] 2017. *Grib na kraiu sveta: O vozmozhnosti zhizni na ruinaх kapitalizma.* Moscow: Ad Marginem Press.
- Tugolukov, Vladilen. 1979. *Kto vy, iukagiry?* Moscow: Nauka.
- Urry, John. [1990] 2005. "Vzgliad turista i globalizatsiia." Pp. 136–150 in *Massovaia kul'tura: Sovremennyye zapadnye issledovaniia*, edited by Vera Zvereva. Moscow: Fond nauchnykh issledovaniï "Pragmatika kul'tury."
- Urry, John. [2007] 2012. *Mobil'nosti.* Moscow: Izdatel'skaia i konsaltingovaia gruppa "Praxis."
- Vakhtin, Nikolai. 2017. "Mobility and Infrastructure in the Russian Arctic: Das Sein bestimmt das Bewusstsein?" *Sibirica* 3(16):1–13. <https://doi.org/10.3167/sib.2017.160301>.
- Vaté, Virginie, and Elena Davydova. 2018. "Pishcha, emotsii i sotsial'nye otnosheniia u amguemskikh chukchei." *Kunstkamera* 2:119–126. <https://doi.org/10.31250/2618-8619-2018-2-119-126>.
- Yamin-Pasternak, Sveta, Peter Schweitzer, Igor Pasternak, Andrew Kliskey, and Lilian Alessa. 2017. "A Cup of Tundra: Ethnography of Thirst and Water in the Bering Strait." Pp. 117–136 in *Meanings and Values of Water in Russian Culture*, edited by Jane Costlow and Arja Rosenholm. London: Routledge.
- Yates-Doerr, Emily. 2015. "Does Meat Come from Animals? A Multispecies Approach to Classification and Belonging in Highland Guatemala." *American Ethnologist* 42(2):309–323. <https://doi.org/10.1111/amet.1213>.
- Zenzinov, Vladimir. 1914. *Starinnyie liudi u kholodnogo okeana: Russkoe Ust'e Iakutskoi oblasti Verkhoianskogo okruga.* Moscow: Tipografiia P. P. Riabushinskogo.